

Воробышка долго сидел на ветке гранатового дерева, а потом, взмахнув крыльями, улетел.

Подул легкий ветерок, и цветы с травой во дворе зашуршали, затрепетали.

Чи Е все еще сжимал подбородок Тун Хуайцина. Ладонь у него была широкая, а личико у того — совсем маленькое, сердечком, с точеными линиями, сходящимися к аккуратному подбородку. Большой палец замер у самого уголка губ: стоило лишь слегка сдвинуть его, и он легко коснулся бы этих завлекающих, сочных губ.

Алые, пахнущие хмелем. И горячие.

Когда Чи Е хмурился и молчал, вид у него становился по-настоящему суровым. И голос звучал хрипло, аж до мурашек.

Но пьяный Тун Хуайцин ничего этого не замечал. Ему казалось, будто он стал невесомым, словно пушинка одуванчика, подхваченная ветром: летит себе, приземляется на белоснежный цветок жасмина... И не успел он насладиться этим чувством, как его бесцеремонно схватили. Неудобно! Обвив руками шею Чи Е, он тихо и капризно протянул:

— Ты о чём вообще?..

Смысл слов до него явно не дошел.

Кадык Чи Е дернулся. Разжав пальцы, он попытался снять руки Хуайцина со своей шеи, но хмельной упрямец вовсю включил капризного ребенка: подался вперед и прижался щекой к щеке Чи Е.

— Ну пожалуйста... Ой, больно!

Щетина у Чи Е была небрежно выбритой и колючей. Натерев нежную кожу, Хуайцин наконец отпустил его.

Пробормотав что-то невнятное, он принялся потирать след от пальцев на подбородке, потом погладил горящие щеки, подпер лицо руками и глуповато улыбнулся, не сводя с Чи Е взгляда.

Грудь Чи Е тяжело вздымалась. Внутри все кипело от глухого раздражения — то ли из-за клейкого рисового вина, то ли из-за невыносимой наглости Тун Хуайцина, то ли из-за тех самых слов...

«Да кто угодно».

«И еще: “Полюби меня”».

«Чертов зять старика Яня! Принес же чёрт это домашнее вино!»

С мрачным видом Чи Е принялся собирать со стола посуду. Хуайцин с хихиканьем зацепился пальцем за край его футболки, потянул на себя и стал умолять подогреть еще капельку вина. Вид у него был донельзя милый и доверчивый: никакого привычного изящества и благородной осанки — осанка расплылась, спина сгорбилась, щеки и кончики ушей пылали, а сам он источал мягкое, сладковатое хмельное тепло.

— Ты хоть помнишь, как тебя зовут? — не удержался Чи Е, стряхивая его палец, и быстрыми шагами направился к дому.

Хуайцин закинул голову и рассмеялся:

— Я маленькая лягушка-а!

В кухне Чи Е повернул кран и ополоснул лицо. Ледяная вода намочила виски, но хаос в голове и не думал утихать. Под журчание струи он уставился на свой большой палец — тот самый, которым только что касался чужого подбородка, — и вполголоса выругался.

«Какая, к черту, лягушка? Какой снеговик или поросенок?»

«Чистой воды рыжая лиса! Вредная, несносная лиса!»

Чи Ино уже клевала носом, но изо всех сил цеплялась за остатки сна, уставившись в телевизор. Чэнь Сяньян сладко зевал и, протирая глаза, повел младшую сестренку умываться. К счастью, завтра была суббота, и вскакивать ни свет ни заря не требовалось — можно спокойно продрать глаза, когда запекут петухи.

Свет на втором этаже зажегся и вскоре погас. Теперь во всем доме горела лишь одинокая лампочка под карнизом во дворе.

Чи Е решил, что алкоголь ударил в голову и ему самому. Смысл препираться с пьяным? Ну поцеловал и поцеловал, экая невидаль! Не считается. Кое-как взяв себя в руки, он вышел во двор и дар речи потерял: этот негодник и не думал засыпать! Сидел себе с широко раскрытыми глазами, блестящими и лукавыми, и радостно его поджидал.

Чи Е смирился с судьбой:

— Пойду сварю тебе вытрезвляющий отвар.

— Хе-хе, — отозвался Хуайцин.

Не рискуя больше на него смотреть, Чи Е повернулся и ушел на кухню. Достав из запасов пару оставшихся боярышников, он вырезал косточки, нарезал ломтиками вместе с яблоком и бросил в воду. Маленький ковшик быстро закипел, повалил густой пар, и воздух заполнился кисленьким, освежающим ароматом. Поколебавшись, Чи Е бросил туда еще пару сушеных китайских фиников.

Этот привереда вроде бы не любил кислое — вечно тянулся к сладкому.

Подумав об этом, Чи Е открыл шкафчик, отколол кусок колотого каменного сахара и отправил в отвар. На медленном огне напитку требовалось совсем немного времени.

Вот только во двор Чи Е возвращаться не спешил.

Так и стоял у плиты — здоровый, рослый мужик — и тупо пялился в стену.

От лишнего алкоголя в желудке сохнет и жжет, так что кисленький, сладкий отвар справлялся с этим как нельзя лучше. Перелив готовый яблочно-боярышниковый отвар в пиалу, чтобы остыл, Чи Е прокашлялся и шагнул во двор, собираясь окликнуть Тун Хуайцина.

А тот уже сморился.

В отличие от той встречи на вокзале, где он сидел ровно, как струна, сейчас Хуайцин уткнулся лицом в сложенные на столе руки. Мягкие темные пряди слегка прикрывали лоб, и лишь густые длинные ресницы отбрасывали ровные тени на пылающие щеки.

Чи Е тихо позвал:

— Тунтун?

Тот спал крепким, мерным сном.

Чи Е подошел ближе и слегка потормошил его за плечо:

— Вставай, выпей немного, а то ночью желудок прихватит.

Хуайцин что-то промычал, приоткрыл один глаз из-за локтя, глянул на Чи Е и тут же снова сомкнул веки.

Во дворе царила полная тишина. Чи Е затаил дыхание. Наклонившись чуть ниже, он ощутил

исходящее от юноши жаркое, пьяное дыхание.

Тот наконец пробормотал с глубокой обидой в голосе:

— Мне плохо... Всё болит.

Чи Е легко взъерошил его шелковистые волосы:

— Где именно плохо?

— Голова кружится, поясница ломит, — голосок становился все тише, словно он жаловался на несправедливость всего мира, — и еще комары кусают...

Чи Е не удержался от улыбки:

— Ну поднимись, побрызгаем туалетной водой от насекомых.

— Не могу встать, — Хуайцин снова зажмурился, — совсем мочи нет...

Он капризничал совершенно беззастенчиво и открыто — хмель окончательно парализовал волю, погрузив тело в сладкую, изнуряющую истому. Своя смутная пелена сновидений он услышал тихий вздох, а в следующее мгновение сильные руки подхватили его под колени и спину, оторвав от стола.

Уткнувшись лицом в широкую грудь, Хуайцин послушно обнял Чи Е за шею. Открыв глаза, он решил, что происходящее — забавная игра, и, повинувшись порыву, сначала потрогал колотистый подбородок, а затем принялся щекотать пальцами аккуратное ухо Чи Е.

Чи Е шагнул в спальню и перехватил его неугомонную ладонь:

— Не балуй.

Хуайцин, слабо соображая, продолжал ощупывать всё вокруг, как вдруг удивленно ахнул:

— Гэгэ, а у тебя ухо проколото!

В комнате царил полумрак. Не успел Чи Е опустить пьяного юношу на кровать, как тот, едва державшийся на ногах, бесцеремонно сжал пальцами его мочку.

Чи Е едва не подпрыгнул на месте — сладостная судорога прокатилась от затылка по всему

телу. Ничего не поделаешь: уши у него были чертовски чувствительной зоной.

— В детстве прокололи, — Чи Е глубоко вдохнул, отводя руку Хуайцина, и потянулся к выключателю, но не успел: тот неожиданно взвился на кровати, едва не въехав ему головой в подбородок.

— А зачем? — Хуайцин уставился на него блестящими, совершенно пьяными глазами. — Зачем тебе проколы?

Кто бы мог подумать, что, опьянев, этот молчальник превращается в такую трещотку!

Чи Е со вздохом пояснил:

— Лет трех или четырех был... Болел часто, думали, не выживу. В нашей деревне поверье есть: если мальчику проколоть ухо и растить как девчонку, можно Владыку Янь-вана обхитрить.

Хуайцин не мигая смотрел на него, а затем снова протянул руку и потерял мочку.

Там действительно прощупывался крошечный, почти затянувшийся шрамик.

В горле у Чи Е пересохло. Он старался дышать как можно ровнее.

— И ты что, юбку носил? — с самым серьезным видом спросил Хуайцин. — Серьги надевал и цветистые платица, да?

То ли сама мысль показалась ему ужасно смешной, то ли он живо представил себе эту картину, но Хуайцин вдруг залился звонким, детским смехом, ласково поглаживая мочку Чи Е:

— Дагэ... А ты потом выжил?

Вопрос прозвучал с невероятным, искренним участием.

Чи Е с непроницаемым лицом посмотрел на него:

— А ты как думаешь?

— Думаю, выжил, — Хуайцин сладко зевнул, прикрывая ротик ладошкой, — ты ведь хороший человек. Ты обязательно должен жить долго-долго, до самой старости.

С этими словами он взял Чи Е за руку и зацепил своим мизинцем его мизинец:

— Правда, гэгэ, ты очень хороший.

Точно маленькая зверушка, которая, выражая привязанность, непременно должна уткнуться, прижаться, потереться.

Он и впрямь валился с ног от усталости. Голова кружилась, и, склонившись к самому уху Чи Е, он долго-долго шептал какие-то ласковые глупости.

Чи Е так и не включил свет.

За окном проехала машина. Дальний свет фар на мгновение разрезал ночную тьму, скользнув яркой полосой по стене комнаты. Свет был не слишком ярок, но широкая ладонь Чи Е тут же заботливо накрыла глаза юноши, защищая его от вспышки.

Длинные ресницы Хуайцина трепетали, щекоча чужую ладонь.

И последним, что отпечаталось в его угасающем сознании, был тихий, едва слышный смешок Чи Е и его мягкий шепот:

— Ничего... Говори. Я слушаю.

Казалось, за последние два дня Хуайцин возместил весь недосып за прошлые годы.

Домашнее вино и впрямь оказалось отменным: голова после него не трещала, хоть тело и ломило от истомы, а веки казались налитыми свинцом.

За окном залиvistо щебетали птицы. Повернувшись с боку на бок, Хуайцин сгреб в охапку плед и запутался в нем, как в коконе — спал он всегда беспокойно, вечно крутился.

Комнату заливал яркий дневной свет, в котором кружились золотистые пылинки. Хуайцин лениво спустил ноги с кровати... и замер: домашние тапочки отсутствовали.

Память услужливо подкинула воспоминания: его ведь... принесли сюда на руках.

И, кажется... умывался и чистил зубы он вчера, стоя босыми ногами прямо на чужих обутых стопах.

Слабая, довольная улыбка, только что игравшая на его губах, постепенно угасла.

Он перестал улыбаться.

Самое страшное в опьянении — это не сам алкоголь и даже не буйный хмель. Самое страшное — когда память не отшибает!

Воспоминания хлынули сплошным потоком: яркие, четкие, в малейших подробностях.

И невероятно постыдные!

Хуайцин впал в ступор.

Затем кулем повалился обратно на подушку, утащил сползавший плед, с головой завернулся в него, превратившись в плотную гусеницу, и принялся отчаянно извиваться.

«Спасите!»

«Я вспомнил ВСЁ!»

Как цеплялся за Чи Е, не давая уйти, как увлеченно выкладывал ему теории музыки, разглагольствовал о Чайковском и бог ведает о чем еще! Как с обидой вспоминал, что воспитательница в детском саду не давала ему красных звездочек, и как прошлой зимой какой-то сопливый сорванец бросил ему под ноги петарду... Хуайцин ведь был ужасно злопамятным, всё помнил! А потом, когда он окончательно уморился, Чи Е заставил его встать и идти умываться.

Хуайцин тогда еще капризничал: «Я уже разулся!»

Ну да, устал болтать, вот и залез под одеяло.

Чи Е спокойно возражал: «Так обуйся обратно».

А Хуайцин продолжал вредничать: «Не хочу-у!»

Чем там все закончилось? В итоге он, босой, встал ногами на ботинки Чи Е и, шаркая, передвигая ноги, дотащился до раковины. Прижавшись спиной к груди Чи Е и уткнувшись затылком ему в подбородок, он абсолютно беззастенчиво чистил зубы и умывался.

Попутно не удержался и потрогал его колючую щетину.

Не найдя свой тоник и крем, намазался детским кремом Чи Ино!

Ах да, он еще жалобно канючил: «Я не привередничаю, у меня просто кожа нежная, чуть что — сразу сыпь и покраснения, это так неприятно...» На что Чи Е открыл баночку детского крема и предложил: «Этот гипоаллергенный, попробуй».

И ведь попробовал же!

Хуайцин издал вопль отчаяния — благо, прямо в одеяло.

Господи, он же еще трогал его за ухо! Держал за руку и твердил: «Гэгэ, ты такой хороший человек...» Отказывался идти сам, требовал, чтобы его несли! А до этого... Боже мой! В самом начале, когда луна спряталась за облака, напившись винными парами, он обвинил шею Чи Е и... поцеловал его прямо в губы!

Оцепенение. Полнейший, беспросветный кошмар.

«Мать вашу... Это же был мой первый поцелуй!»

Дома его воспитывали в строгой дисциплине, а когда он решил посвятить себя фортепиано, обычную школу пришлось бросить — наставник возил его по всему миру. Люди вокруг сменялись слишком быстро, да и сам Хуайцин отличался замкнутым характером, отчего до сих пор ни с кем не встречался.

И надо же было такому случиться: поцеловался с мужиком!

И сам же вызвался!

Хуайцин зажал лицо руками и снова забился в бесшумной конвульсии.

Ощущения от поцелуя почти выветрились, осталась лишь память о покалывании жесткой щетины, когда они притрагивались щеками.

Было и щекотно, и немного больно.

Сердце заколотилось, точно сумасшедшее.

Дверь с тихим скрипом отворилась.

Хуайцин подскочил на кровати, точно его ужалили, и заверещал:

— Ты почему не стучишь?!

Погода заметно похолодала, и Чи Е был в черной толстовке и светло-синих джинсах. Застыв в дверном проеме, он спокойно ответил:

— Я стучал.

— А я не слышал, значит, не считается! — выпалил Хуайцин, сгорая от смущения.

Чи Е оглядел его с ног до головы:

— Ты чего разбушевался? На хвост наступили?

Личико пылает, глазки бегают — живописное зрелище.

Хуайцин тут же сдулся, сел обратно на кровать и молча обхватил плед.

— Пошли обедать, — Чи Е оперся рукой о косяк, — полдень уже, а ты всё дрыхнешь.

Тон вполне обычный, непринужденный.

Выходит... Чи Е ни черта не помнит! У него отшибло память!

Хуайцин сглотнул и осторожно закинул удочку, надеясь разузнать обстановку:

— Слушай... вчера...

Он специально тянул слова, выжидая реакцию.

Чи Е с едва заметной усмешкой молча наблюдал за ним.

— Ну... я вчера перебрал немного, — неловко натянулся Хуайцин, — ха-ха, у этого вина, оказывается, такое ядреное послевкусие!

Чи Е продолжал подпирать косяк. Высокий, под потолок, он вовсе не смотрелся громоздко — от него веяло суровой, разгульной мужественностью. Из тех мужчин, что в добром расположении духа позволят садиться себе на шею, а взбешены — одним ударом раскроют череп.

Настоящий, породистый самец.

Хуайцин невольно перевел взгляд на его губы. Впервые он рассматривал их так пристально и неожиданно заметил, что уголки слегка приподняты. Странно: вроде бы губы от природы улыбчивые, так отчего же, когда он молчит, вид у него такой свирепый?

Чи Е слегка склонил голову и приподнял бровь:

— Любуешься?

— Вовсе нет, — Хуайцин мгновенно отвел взгляд. — Просто... ты ведь тоже вчера перебрал, да?

— Перебрал, — согласился Чи Е.

— Ха-ха, точно память отшибло! Я так и знал, что рисовое вино...

— Ничего не отшибло, — перебил Чи Е. — Я всё помню.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

— Ха-ха... — выдавил из себя Хуайцин.

Солнце стояло в зените, и даже широкая фигура Чи Е не могла заслонить яркий свет. Из двора доносились голоса детей — Чэнь Сяньян объяснял сестренке математику, и в его голосе слышалось беспросветное отчаяние.

Пауза затянулась.

Чи Е не удержался и фыркнул:

— Да ладно тебе, не сгорай от стыда. Понимаю, что ты был пьян, так что замяли.

Хуайцин закрыл лицо ладонями:

— Угу...

— Выходи обедать. Вчера ты свой отвар так и не выпил, — Чи Е уже разворачивался, — сегодня обязательно допей.

Хуайцин плелся следом, тихо бурча под нос:

— Ну вот зачем надо было всё запоминать...

«А как такое забудешь?» — подумал Чи Е. Память о прошлых сутках жгла изнутри, точно раскаленное клеймо.

Однако снаружи он оставался совершенно невозмутимым. Войдя в кухню, Чи Е потянулся за ковшиком на печке:

— Да ты еще рассказывал, как в детстве за тобой оса гналась и так ужалила, что глаз распух, точно персик, и ты потом ревел и не хотел идти в школу, потому что урод...

Дети, сидевшие за столом, мгновенно подняли головы, уставившись на них с горящим любопытством.

Хуайцин в панике привстал на цыпочки, пытаясь зажать Чи Е рот:

— Да замолчи ты!

Чи Е как раз снимал ковшик с огня, и Хуайцин, налетев сослепу, задел его. В то же мгновение Чи Е молниеносно отшагнул в сторону, закрыв юношу собой. Кипяток из налитого до краев ковшика плеснул прямо ему на руку.

Со звонким глухим стуком Чи Е поставил посудину обратно на плиту, даже не поморщившись.

А ведь вода непрерывно томила на медленном огне!

Испуганный Хуайцин кинулся к нему, хватая за поврежденную руку. Рукав намок насквозь, задрать его он не решился, но тыльная сторона ладони уже багровела. Из комнаты прибежал Сяньян с немим вопросом на лице. Чи Е включил холодную воду на полную мощность и, сбивая струей пламя ожога, спокойно улыбнулся:

— Да пустяки, слегка плеснуло.

И тут же заботливо спросил Хуайцина:

— Тебя не обдало?

Ни капли.

Чи Е принял весь удар на себя.

Подержав руку под водой, он аккуратно закатал рукав: смуглая кожа заметно покраснела. Сяньян побежал за аптечкой, а Хуайцин виновато замер подле. Чи Е даже нашел силы пошутить — зачерпнул здоровой рукой немного воды и брызнул ему в лицо:

— Ты чего скис?

— Прости... — выдохнул Хуайцин, не поднимая глаз.

Чи Е наигранно свистнул:

— Ого, вот это да!

Хоть от него и веяло уличной ухваткой, дурных замашек за ним не водилось, так что свист вышел кривым и нескладным. Чи Е засмеялся и отер капли с его щеки:

— Да брось ты. У меня шкура дубовая, ничего со мной не станется.

Вернулся Сяньян с мазью от ожогов, а у дверей, прикусив палец, с тревожным видом стояла Ноно. Запахло горьковатой аптечной гармонией. Привычным движением Чи Е выдавил коричневатую мазь и принялся втирать ее в поврежденную кожу.

На его предплечье виднелась россыпь старых мелких шрамов.

— Вот и всё, пусть впитается, — Чи Е сполоснул пальцы под краном. — Не верю я, что нам так и не удастся испробовать этого яблочного отвара.

Хуайцин продолжал молча стоять подле.

Чи Е бросал взгляды то на него, то на собственное предплечье. Внутри заскреблось неловкое чувство.

Ну подумаешь, обжегся! Не стоит оно того, чтобы глаза наливным красным соком наливались!

«Да будь на месте Тун Хуайцина хоть уличный щенок, я точно так же загородил бы его от кипятка — на мне ведь одежда, да и к ушибам мне не привыкать. Намазал мазью — через пару дней заживет».

А щенку бы перепало — и костей не соберешь.

И у Хуайцина руки — нежные, драгоценные руки музыканта.

Не твоя это вина. Не расстраивайся. В жизни с кем не бывает?

Поколебавшись, Чи Е обнял Хуайцина здоровой рукой за шею:

— Ну ты чего, а?

Хуайцин опустил ресницы и смолчал.

— Отвара пожалел? — Чи Е смахнул руки и направился в спальню переодеться. — Захочешь — еще сварганим...

— Нет, — тихо отозвался Хуайцин, следуя за ним, — тебя жалко.

Ух ты, каков...

Чи Е сам не заметил, как расплылся в улыбке.

Ужасно захотелось протянуть руку и сжать его щечки. Он любил делать так с детьми — губы смешно у них утицей вытягивались.

Но рука замерла на полпути.

Вспомнились претензии Ноно: «Гэгэ, ты вообще соображаешь, какая у тебя хватка? Ужасно больно, потом от пальцев синяки остаются!»

Чи Е принял к сведению исправления и теперь аккуратно обхватил лицо Хуайцина обеими ладонями, чуть сжав щеки с обеих сторон.

Губы юноши сошлись в милый, смешной бантик-утицу.

Хуайцин послушно приподнял голову и молча хлопал глазами.

Чи Е замер. В груди сладостно и жгуче кольнуло.

До чего же послушный.

И до чего милый...

Спрятав эмоции, Чи Е убрал руки, откашлялся и шагнул в спальню. Стоило двери

захлопнуться, как лицо его преобразилось: он скривился, прижал ладонь к бешено стучащему сердцу и лбом ткнулся в прохладную стену.

Когда кипятик хлестнул по руке, он и глазом не моргнул.

А тут — от простого прикосновения к чужим щекам в дугу согнуло!

Каким бы чурбаном Чи Е ни был, он прекрасно понимал: это ненормально. Да, вчера Хуайцин по пьяной лавочке его поцеловал, но не до такой же степени рассудок терять!

Тун Хуайцин — парень.

И сам он — мужик до мозга костей.

Тяжело вздохнув, Чи Е через голову сдернул намокшую кофту, бросил ее на кровать и остался по пояс голым, снова прислонившись лбом к стене.

В голове не укладывалось.

Он опять приложил ладонь к груди. Сердце колотилось так яростно, что отдавало тупой болью.

И что теперь делать?

Из раздумий его вывел тихий стук в дверь. Натянув первую попавшуюся футболку из шкафа, Чи Е отпер дверь.

На пороге, опустив голову, стоял Хуайцин.

— Ты чего?

Глядя на его шелковистые макушечные волосы, Чи Е вдруг покашлял, сообразив, что лыбится, как дурак, и тут же потер лицо, возвращая строгое выражение:

— Я сейчас выйду.

— Прости меня, — едва слышно пробормотал Хуайцин.

— Перестань, — Чи Е уже не знал, куда деваться, — ну сколько можно-то?

— Я правда виноват.

Хуайцин продолжал разглядывать свои тапочки. Вся вчерашняя спесь выветрилась, хрипотца из голоса пропала, капризная избалованность исчезла без следа. Рыжая лисица спрятала коготки, превратившись в зайчонка с заплаканными глазками.

И этот зайчонок вымолвил:

— И за вчерашнее я тоже должен извиниться. Я тебя поцеловал... Я случайно. Пожалуйста, не бери в голову.

— Угу, — отозвался Чи Е.

Утром он сам твердил нечто подобное, но когда эти слова прозвучали из уст Хуайцина, на душе почему-то стало скверно и тоскливо.

— Я знаю, ты просто перебрал.

— Ага, перепил и сдурил, ха-ха...

В гостиной Чи Ино уже роняла слезы над математикой. Чэнь Сяньян пробился с ней целое утро и теперь обессиленно пластал конечности на диване. Оба ребенка не приняли ожог Чи Е всерьез — дело-то житейское. Заслышав шаги, Сяньян вяло махнул рукой:

— Дагэ, я сделал всё, что мог...

Чи Е с улыбкой отозвался и шагнул во двор.

Внешне ничего не изменилось.

Однако Сяньян мгновенно подтянулся и с подозрением глянул вслед старшему брату, а затем — на вышедшего за ним Хуайцина:

— Брат Тунтун, вы что, поссорились?

— С чего бы? — удивился тот.

Сяньян озабоченно посмотрел на улицу:

— Но мне кажется... Дагэ разозлился.

Сянъян был малым сообразительным и тут же соскочил с дивана. Ноно, непонимающе хлопая глазами, продолжала сжимать ручку.

— Дагэ, ты куда?

— На работу, пару заказов глянуть.

Голос Чи Е звучал ровно и сухо:

— Учитесь да воду пить не забывайте.

Дверь снаружи захлопнулась с громким стуком, едва не задев нос Хуайцина.

Разозлился? За что?

Рука разболелась? Но он же только что улыбался...

На самом деле ожог уже почти не досаждал. Детей глупо упрекать в черствости — просто для Чи Е подобная ерунда была привычным делом.

Он умел терпеть.

Мотоцикл с оглушительным ревом рванул по тенистой аллее. Мощный тюнингованный движок орал так, что придорожные кусты долго еще дрожали от поднятого вихря.

Чи Е не останавливался, пока не долетел до заводских складов на северной окраине.

Несколько рабочих сортировали там лом металлоконструкций, сложенный в огромную кучу. Все они были людьми простыми, привыкшими к тяжелому физическому труду: даже списанные детали старались придать аккуратный вид, чтобы выгодно сдать. Заслышав шаги, рабочие обернулись.

Чи Е слез с мотоцикла, добродушно здороваясь:

— Дядя Ли, всем привет.

Старший из рабочих суетливо устремился навстречу:

— Босс Чи! Что ж не предупредили, мы б чайку заварили...

— Да ну, не стоит, — Чи Е зашагал к складу. — Это на сдачу приготовили?

— Ага, — заискивающе кивнул Лао Ли, — всё в накладные занесем.

Чи Е достал пачку и угостил всех сигаретами:

— Ладно, дядьки, поработали — и хватит. Отдохните пока.

Мужики со смехом и привычными отговорками приняли угощение. Все они знали, что Босс Чи — человек добрый, дает им заработать на хлеб, но его внушительный, хмурый вид все равно внушал невольный трепет. К тому же разговорчивостью он не отличался.

Осень давала о себе знать прохладой, но Чи Е скинул кофту, оставшись в одной майке. Открылась поджарая талия, смуглая, загорелая кожа и рельефная мускулатура. Когда он замахивался ломом и лопатой, мышцы плеч и спины перекачивались упругими волнами.

Вот только на предплечье алел свежий ожог.

Рабочие тихо сидели в глубине склада, боясь пикнуть. Босс сказал, что доделает все сам, забрал инструмент и без лишних слов принялся за работу.

Вот только вид у него был откровенно жуткий.

Грохот железа стоял такой, что с деревьев вспугнутыми стаями взлетали птицы, а снопы искр ярко снопствовали под осенним солнцем. С мрачным лицом Чи Е кромсал неликвид, а потом и вовсе отбросил инструмент, взявшись за дело голыми руками.

Грохот! Треск! Бум!

Работу, рассчитанную на пятерых, он шутя перелопатил один. Лао Ли, застыв с чашкой в руках, так и остался стоять с открытым ртом.

Какой сумасшедший умудрился раздосадовать Босса Чи?

Огромная гора металлолома превратилась в аккуратные, плющенные блинчики. Земля вокруг была перерыта, а трава вытоптана до пыли.

Сбросив последнюю железяку, Чи Е отряхнул ладони, выбил сигарету и чиркнул зажигалкой. Синее пламяхватило его лицо. Сделав глубокую затяжку, он выдохнул дым, повернулся к

ошалевшим рабочим и улыбнулся:

— Всё готово. Я поехал.

Затушив сигарету, он прыгнул в седло, крутанул ручку газа и с ревом умчался.

На душе заметно полегчало.

Одна беда — уехал впопыхах, забыл рабочие перчатки, и от руля натер мозоли. Впрочем, Чи Е на такую ерунду внимания не обращал.

С ветерком промчавшись по узким улочкам, он сбросил скорость у своего дома. Сквозь забрало шлема еще издали заметил фигуру возле мастерской.

На улице похолодало, и местные старики со старухами высыпали прогреться на солнышке. Завидев незнакомца, они окружили его и принялись с улыбками расспрашивать.

Хуайцин спрятал руки за спину и явно не знал, куда деваться от такого внимания.

Едва Чи Е заглушил мотор и шагнул к ним, как Хуайцин, подпрыгивая на цыпочках, радостно замахал рукой:

— Гэгэ! Я здесь!

— Что стряслось?

Раздражение Чи Е испарилось без следа. Соседи его прекрасно знали и ни капли не боялись. Бабушка Линь, неся сумку с продуктами, защебетала:

— Сяо Чи, это что за юноша у тебя? Красивый какой, загляденье!

Дядюшка Лао Ван подхватил:

— И не говори! Будь я лет на двадцать моложе, моему старику ничего бы не светило!

Положив руку на плечо Хуайцина, Чи Е повел его к мастерской. Повернув ключ, он с шумом поднял роллету и оглянулся на соседей с озорной ухмылкой:

— Эй, я так и приревновать могу! Что ж вы его нахваливаете, а меня — нет?

Под общий хохот они укрылись в помещении. Окно было приоткрыто, внутри царил порядок: несмотря на обилие деталей, все лежало по полочкам. Чи Е опустился на крутящийся табурет, оттолкнулся ногой и чуть отъехал назад, снизу вверх глядя на Хуайцина:

— Чего пришел?

Оказавшись в укрытии, Хуайцин заметно расслабился:

— Тебя жду.

— Зачем? — Чи Е по привычке потянулся за сигаретами, но на полпути опустил руку. — Я же сказал, что по делам.

Злость в нем улетучилась так же быстро, как и возникла.

Уезжал — глаза бы на этого негодника не смотрели, а вернулся — и глядеть на него одно удовольствие.

Хуайцин небрежно оперся о стойку.

Обычно он держался гордо и отстраненно, благо внешность позволяла ходить с недовольной миной, но стоит ему расслабиться, как от него начинало веять мягким, неспешным уютом.

Замерзнув, он накинул светло-голубой пушистый кардиган. Длинные рукава почти полностью скрывали кисти, оставляя снаружи лишь кончики пальцев.

— Подумал, что ты обиделся, вот и решил встретить.

Чи Е усмехнулся:

— С чего бы мне обижаться? Стал бы ты меня замаливать...

— Стал бы, — серьезно кивнул Хуайцин. — Если б ты правда разозлился, я б тебя поговоривал.

За стеклом по-прежнему шумела улица, но за стойкой было тихо и уютно. Чи Е все-таки вытащил пачку. Внутри оставалась одна-единственная сигарета, и он зажал ее в пальцах — просто чтобы отвлечься от дурацкой дрожи в руках.

— И как бы ты меня ублажал?

Сердце заходило в бешеном ритме, но голос звучал на удивление ровно.

Хуайцин задумчиво нахмурил лбик, взвешивая варианты.

— Вот так?

Он обхватил свое лицо ладонками и слегка сжал щеки, отчего губы его вытянулись в смешную бантик-утицу — точь-в-точь так, как Чи Е умилялся над детьми.

Чи Е замер, не издавая ни звука.

«Не сработало?» — Хуайцин недоуменно склонил голову.

Чи Е резко отвел взгляд, а голос подвел его, сорвавшись на глухую хрипоту:

— Всё, пошел я курить.

Не глядя на юношу, он выскочил наружу, да так неуклюже, что с оглушительным треском задел бедром край стойки.

Он добежал до развесистого павловниевоего дерева, но этого показалось мало, и он юркнул в глухой переулок.

Лишь там, прячась в тени, он с дрожащими пальцами вытащил сигарету.

Да какое там курить!

Впопыхах он переломил ее пополам.

В ушах до сих пор звучали вчерашние слова Ноно:

«Гэгэ, у меня тут прямо тук-тук-тук...»

«Гэгэ, а Тунтун-ге красиво выглядящий?»

Вот только детская влюбленность вспыхивает мгновенно и так же легко переключается на сочную куриную ножку или сладкую булку.

Чи Е отправил обломок сигареты в рот и медленно сжал зубы.

Его собственное сердце заходило в таком же безумном, оглушительном чечёточничестве.

Это было чувство, заставившее себя ждать долгие годы — сносящее всё на своем пути, непреодолимое и дикое.

Влип.

<http://bllate.org/book/19966/1985884>